

В.В. Кучма

ДВА ТРАКТАТА – ОДИН АВТОР?

Блестящие успехи ромейского оружия, достигнутые под командованием императора-полководца Никифора II Фоки, оказали столь существенное воздействие на сознание современников и потомков, что с именем этого выдающегося военачальника стали ассоциироваться несколько значительных полемологических сочинений, замыкающих грандиозный ансамбль памятников греко-римско-византийской военной литературы. И хотя большинство исследователей выражают ныне сомнение в том, что все эти сочинения принадлежат перу названного венценосного автора, его роль как идейного вдохновителя по крайней мере некоторых из них абсолютно бесспорна¹.

Данная статья посвящена сравнительному анализу преимущественно двух военно-научных руководств, которые историческая традиция прочнее других связывает не только с именем Никифора II Фоки, но и между собою. Тексты трактатов располагаются непосредственно друг за другом в одной и той же семье “военных” рукописей, которые уже были объектами анализов и обзоров². В рукописях не сохранились ни имена авторов, ни авторские названия самих сочинений. Проблематика одного из них, со времен К.Б. Газе именуемого “*De velitatione bellica*”, уже была достаточно изучена в литературе последних лет³. Второй трактат привлекал меньшее внимание исследователей, поэтому ремарка А. Дэна (“заслуживает перевода и комментирования”)⁴, сделанная более 30 лет тому назад, сохраняет свою императивную актуальность.

Речь идет о трактате, который по начальным словам названия его I главы (Περὶ καταστάσεως ἀπλήκτου) получил в ученой литературе одно из своих наиболее распространенных наименований – “*De castrametatione*” (под ним он упомянут Ш. Дюканжем в его “Глоссарии”)⁵. Французский ученый Ш. Гро, обнаруживший этот трактат в одной из рукописей XVI в. в 1875 г. издал с французским переводом три его главы

¹ Впервые эта мысль была сформулирована в капитальном исследовании М. Йенса (см.: *Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft. Erste Abreilung. München; Leipzig, 1890. S. 176*).

² См., например: *Dain A. Les stratégistes byzantins // TM. 1967. Vol. 2. P. 379–390; Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation, and Notes by G.T. Dennis. Washington, 1985. P. 140–141, 243; Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Texte établi par G. Dagron, H. Mihăescu. Traduction et commentaire par G. Dagron. P., 1986. P. 13. 25, 157–160.*

³ Обширный комментарий Ж. Дагрона, сопровождающий его издание “*De velitatione bellica*” (см. примеч. 1, p. 139–287), может рассматриваться как монографическое исследование всех основных проблем данного трактата. Отдельные спорные вопросы, связанные с этим источником, были рассмотрены нами в ряде публикаций. См., например: *Кучма В.В. Трактат De velitatione bellica: проблемы жанра и основного содержания // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 56–61; Он же. К проблеме авторства трактата “De velitatione bellica”: новая гипотеза // ВВ. 1994. Т. 55 (80), ч. 1. С. 132–137; Он же. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата “De velitatione bellica” // BS. 1995. Vol. VI (2). P. 389–396; Он же. Метод παραδρομή: феномен военной теории и боевой практики X в. // Византийские очерки. М., 1996. С. 130–142.*

⁴ *Dain A. Les stratégistes... P. 369.*

⁵ Как было убедительно доказано Ю.А. Кулаковским (Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 1900. Т. 7, вып. 4. С. 658–650), еще до Ш. Дюканжа трактат был известен И. Меурсию (1579–1639), нидерландскому филологу и историку, который в начале XVII в. выступил с первым грандиозным проектом издания памятников греко-византийской военной литературы.

– XIII, XV и XVIII. Несколько лет спустя изложение содержания трактата (с перечнем глав и обширными цитатами по-французски) было воспроизведено Г. Шлюмберже в его монографии о Никифоре Фоке⁶. Через 17 лет после смерти Ш. Гро (1882) вышло в свет полное издание трактата, подготовленное по его материалам и отредактированное А. Мартеном (1899); это издание опиралось на лучшие рукописи, что позволило Ш. Гро и его ученикам предложить ряд конъектур, часть из которых принимается и современными исследователями⁷. Независимо от Ш. Гро и его последователей в Будапеште в 90-х годы XIX в. работал над текстом “*De castrametatione*” Р. Вари. Итогом его работы стало новое издание трактата⁸, основанное на двух рукописях из римских библиотек (*Codex Vaticanus graecus 1164* и *Codex Barberianus graecus II, 97 [276]*), относящихся к первой половине XI в. и независимо друг от друга восходящих к единому архетипу.

Публикации трактата вызвали заинтересованное внимание российского специалиста в области византийской полемологии Ю.А. Кулаковского, он откликнулся на них двумя развернутыми рецензиями⁹, а затем перевел и издал первые 8 глав “*De castrametatione*”¹⁰, сопроводив комментарии подробным чертежом. Десятилетие спустя материалы трактата были использованы Р. Гроссе в его капитальном исследовании об истории византийского лагеря¹¹. На протяжении последующих семи десятилетий трактат не привлекал внимания издателей, именно это обстоятельство и вызвало приведенную выше ремарку А. Дэна. Лишь в 1985 г. увидело свет новейшее критическое издание (с параллельным английским переводом), осуществленное Дж. Дэннисом¹². Достоинством издания Дж. Дэнниса следует признать публикацию четырех чертежей и одного эскиза лагеря, воспроизведенных по рукописи *Vaticanus graecus 1164* (к изданиям Ш. Гро – А. Мартена и Р. Вари эти иллюстрации не были приложены). Однако интерпретация чертежей и эскизов весьма осложнена, поскольку в своих деталях ни один из них не соответствует описанию в тексте трактата.

Трактат представляет собою компактное по объему военно-научное сочинение, состоящее из 32 глав. Если судить по его содержанию, “*De castrametatione*” не имеет того обобщающего энциклопедического характера, который был свойствен, например, “*Стратегикону Маврикия*” или “*Тактике Льва*”.

Однако трактат не может быть отнесен и к узко специализированным руководствам, регламентирующим отдельные стороны армейской действительности (подобные руководства также встречаются в истории византийской полемологии – “*О стрельбе из лука*”, “*Об отправлении секретной корреспонденции*”, “*О военной риторике*”, “*О форсировании водных преград*” и т.п.). Отбор информации, произведенный автором “*De castrametatione*”, был продиктован той основополагающей идеей, которая составляла цель его военно-научных изысканий. Автору предстояло решить комплекс проблем, связанных с проведением крупномасштабной военной кампании, в ходе которой экспедиционному византийскому войску во главе с императором предстояло осуществить вторжение на территорию неприятеля и совершить по ней продолжительный рейд. Поэтому содержание трактата можно условно разделить на несколько сюжетно-информационных частей, развернутых в той последовательности, которая в принципе соответствует основным этапам наступательной военной кампании.

Традиционное для византийских военных трактатов введение, где обычно фор-

⁶ Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. P, 1890. P. 186–188.

⁷ Справки об изданиях Ш. Гро (1875) и Ш. Гро – А. Мартена (1899) см.: Dain A. Les stratégistes... P. 369; Three Byzantine Military Treatises. P. 243.

⁸ Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari / Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901.

⁹ Кулаковский Ю.А. Новоизданный византийский трактат... С. 646–660 (рецензия на издание Ш. Гро – А. Мартена). См. его же рецензию на издание Р. Вари: ВЗ. 1902. Bd. 7. Heft 1–2. S. 547–558.

¹⁰ Кулаковский Ю.А. Византийский лагерь конца X века // ВВ. 1903. Т. 10, вып. 1–2. С. 63–90.

¹¹ Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4. – 10. Jahrhundert // ВЗ. 1913. Bd. 22. S. 90–121.

¹² Three Byzantine Military Treatises. P. 241–335. В дальнейшем все ссылки на источник даются именно по этому изданию.

мулируются основные цели и задачи подобных сочинений, в сохранившихся рукописях “De castrametatione” отсутствует. Еще Ю.А. Кулаковский высказал предположение, что такое введение могло существовать, но впоследствии оказалось утраченным; аргументом в пользу такого предположения является сохранившееся заключение трактата¹³. Начальные главы трактата (с I по VIII) посвящены в основном вопросам лагерного устройства, поскольку, по мысли автора, именно просторный, строго упорядоченный и надежно защищенный лагерь – главная гарантия безопасности экспедиционной армии во вражеской земле. Размеры лагеря определяются в зависимости от величины армии. Так, при максимальной численности армии в 24 200 человек (из них 8 200 конников и 16 тыс. пеших воинов) одна сторона лагеря квадратной конфигурации определяется в 1000 оргий¹⁴; с уменьшением численности армии уменьшались размеры лагеря. Даны рекомендации относительно выбора местности для лагеря, лучшей его формы (таковой признается квадратная или прямоугольная), технологии оборудования, способов защиты (ров, вал, триболы, колокольчики), размещению воинских частей и подразделений, а также управленческих структур и должностных лиц императорского двора, организации караульной и патрульной служб как в лагере, так и за его пределами. Указанные сюжеты занимают основное внимание автора трактата; обстоятельное их изложение не оставляет сомнений не только в детальном владении автором теорией, но и в его предметном знакомстве с реалиями армейской практики¹⁵. Вернувшись к этому сюжету еще раз в конце своего сочинения, автор настоятельно рекомендует еще до начала вторжения, находясь на собственной территории, не менее трех–четырёх раз потренироваться в разбивке лагеря. Приобретенный опыт окажется чрезвычайно полезным в экстремальной ситуации заграничного похода¹⁶.

Более десятка следующих глав трактата (с IX по XX) объединены еще одним общим – о порядке совершения марша во вражеской земле. Подробно рассказано о том, как следует вывести войско из лагеря, не допустив дезорганизации и потери управления войсками, как построить походную колонну, предусмотрев все меры ее безопасности. Особенно детально регламентирован порядок выбора оптимальных маршрутов (в частности, обеспеченных питьевой водой), преодоления закрытых пространств (лесистой местности, горных теснин и т.п.), а также форсирования водных преград. Поскольку подобные марши неосуществимы без предварительного ознакомления с особенностями рельефа и дорог, отдельная глава посвящена проводникам и разведчикам. Общий тон изложения, с неоднократным подчеркиванием значительного собственного опыта автора в осуществлении данного вида боевых действий, практически ничем не отличается от характера описания лагерного устройства.

Дальнейшая сюжетная линия связана с проблемами полноркеттики (главы XXI–XXVII). И хотя здесь снова встречаются ссылки на практический опыт автора в осаде городов, данный раздел в гораздо большей степени, чем предыдущие, опирается на более ранние письменные источники, о чем автор в одном из пассажей заявил со всей определенностью¹⁷.

¹³ См. рец. Ю.А. Кулаковского: BZ. 1902. Bd. 7. S. 551–552. Возможность существования подобного введения в авторском оригинале не исключал и Дж. Дэннис. Он, однако, в противоположность Ю.А. Кулаковскому, не считал, что последняя фраза трактата может быть принята в качестве традиционного заключения (Three Byzantine Military Treatises. P. 241).

¹⁴ De castr. I. P. 248, 43. Размеры одной оргии (ἡ οργυρία) исчисляются в среднем в 2 м (см.: Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 22. sq.). Следовательно, максимальные размеры площади лагеря для войска в 24 200 чел. определяются примерно в 4 кв км. Интересные выкладки относительно размеров площадей для размещения современных воинских частей приведены в указанной выше статье Р. Гроссе (см.: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager... S. 114).

¹⁵ В этой связи представляется справедливым замечание Дж. Дэнниса, что тот, кто написал это наставление, и те, которые его первыми читали по крайней мере видели такой лагерь и, возможно, даже жили в нем (Three Byzantine Military Treatises. P. 329).

¹⁶ De castr. XXX. P. 322, 4–8.

¹⁷ Ibid. XXVII. P. 316, 9–13.

Что касается заключительных глав трактата (XXVIII – XXXII), то объединяющий их мотив связан с возвращением армии из заграничного похода. Изложены общие принципы подготовки страны и армии к войне; подчеркнута необходимость тщательного учета военнослужащих как накануне кампании, так и после ее завершения; высказаны соображения об особой значимости арьергардных частей, ответственных не только за охрану тыла возвращающейся из похода армии, но и за сохранение неиспользованного вооружения и снаряжения.

Рассмотрение содержания трактата подвело нас к необходимости высказать ряд соображений относительно его наиболее оптимального технического наименования. Как уже было отмечено, наименование “*De castrametatione*” является самым ранним, восходящим еще к XVI–XVII вв.; оно оставалось единственным на протяжении всего XIX в. В своем издании Р. Вари предложил новое, более обобщающее наименование “*De re militari*”, – таковое сочли наиболее приемлемым и А. Дэн¹⁸, и Ж. Дагрон¹⁹. Еще более описательным является наименование, предложенное Дж. Дэннисом, – “*Campaign Organization and Tactics*”²⁰.

Мы полагаем, что в том случае, когда письменная традиция не сохранила авторского названия военно-научного сочинения (а подобная ситуация типична в отношении большинства полемологических памятников), его условное наименование должно представлять собой такую вербальную композицию, которая максимально полно отражает сюжетно-содержательную сущность произведения. Разумеется, всякое наименование условно, ибо никакая номинативная конструкция заглавия (ни лексическая, ни даже препозитивная) не в состоянии вместить в себя весь объем информации, которым обладает именуемый объект. В этих условиях заглавие обязано по крайней мере отразить самый существенный атрибут определяемого им военного руководства, чтобы служить своего рода паролем, который заслуживал бы как можно более однозначного отзыва.

С учетом данного требования наименование “*De re militari*”, по нашему мнению, должно быть отведено по причине его крайней индифферентности: в нем не содержится никакого кодового символа, который возбуждал бы определенную информативную ассоциацию. Наименование, предложенное Дж. Дэннисом, вызывает двойственное отношение: если его начало (“*Campaign Organization*”) бесспорно отражает одну из главных сюжетных линий трактата, то последующее добавление “... and Tactics”) представляет чисто механическим, вследствие чего содержательный потенциал первой части заглавия оказывается в значительной степени дезавуированным. Если к тому же вспомнить, какой именно смысл вкладывали византийские военные авторы в понятие “тактика”²¹, то приходится констатировать, что собственно тактической информации (в реально-содержательном значении этого понятия) в трактате, сравнительно немного, по крайней мере ее объем настолько ограничен, что акцентирование внимания на ней в названии трактата не кажется обязательным. Зато совершенно недопустимым представляется неупоминание в заглавии сюжета, посвященного проблемам лагерного устройства, с которым, по нашим подсчетам,

¹⁸ Dain A. Les stratégistes... P. 369.

¹⁹ Le traité sur la guérilla... P. 115–160, 171–175 etc.

²⁰ Издание указано в примеч. 2.

²¹ Основологающим для византийской полемологии являлось определение Элиана, который в своем труде “Теория тактики”, созданном в начале II в. н.э., характеризовал тактику как “искусство боевых эволюций”. В I главе знаменитой военной энциклопедии императора Льва VI Мудрого, этого, по словам А. Дэна, “мэтра военной литературы X века” (см.: Dain A. “Touldos” et “Touldon” dans les traités militaires / Mélanges H. Grégoire. Bruxelles, 1950. Т. II. P. 163), вначале текстуально воспроизведена формулировка Элиана, а несколько ниже определение тактики дано в более развернутом виде – как “полководческого искусства боевых построений, вооружений и маневров войск”. Целью тактики, согласно Льву VI, является “опрокидывание противника посредством предпринимаемых замыслов и действий”; предназначение тактики состоит в том, чтобы “вступать в бой с противником, имея собственные войска в упорядоченном состоянии; конечная цель тактики – по возможности правильно расставить войско в боевой порядок” (Leonis Imperatoris *Tactica* // PG. 107. 1863. I, 1–6. Col. 680. A–B; далее: TL).

так или иначе связано не менее 40% общего объема содержащейся в трактате информации. Поэтому самым оптимальным наименованием трактата, в концентрированном виде выражающим его основное содержание, следует, по нашему мнению, признать самое раннее наименование “*De castrametatione*” – наиболее совершенное как в информационно-смысловом, так и в технико-терминологическом смысле, к тому же весьма компактное, определенно однозначное, легко воспринимаемое на слух и без труда транскрибируемое при письменной презентации. Приоритет данного наименования дополнительно обосновывается многовековой традицией, восходящей к авторитетам И. Меурсия и Ш. Дюканжа, и никакие позднейшие попытки иного решения данного вопроса не могут быть признаны удачными. Что же касается наиболее точного перевода данного наименования на русский язык, то оптимальным следует считать не “Об устройстве *лагеря армии*”²², а “О размещении *армии лагерем*, ибо смысловой акцент здесь должен быть непременно сделан не на *лагере*, а на *армии*, вынужденной временно занимать в общем-то не присущее этой динамичной структуре стационарное положение.

Хотя вопрос об оптимальном техническом наименовании трактата представляется достаточно значимым, еще более существенным является комплекс проблем, связанных с авторством и датировкой “*De castrametatione*”, а также его соотношением с трактатом “*De velitatione bellica*”. Основные подходы к решению указанных проблем были намечены еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Ш. Гро полагал, что оба сочинения были созданы по инициативе Никифора II Фоки; А. Мартен трансформировал эту идею в утверждение, что автором трактатов был сам император Никифор. Р. Вари, подчеркивавший глубокое внутреннее единство названных сочинений, предложил иное решение проблемы: по его мнению, автором трактатов “*De velitatione bellica*” и “*De castrametatione*” должен быть признан известный византийский полководец Никифор Уран, который выполнил поручение, данное ему Никифором II Фокой²³. Ю.А. Кулаковский также был готов усмотреть в Никифоре Уране автора “*De castrametatione*”²⁴; однако российский ученый (вслед за К.Б. Газе) решительно отказывался признать, что оба трактата написаны одним и тем же лицом, наоборот, эти два автора скорее всего даже не знали сочинений друг друга²⁵. Возможно, что точка зрения оказалась влияние на последующее изменение позиции Р. Вари; в докладе, сделанном через 30 лет на III Всемирном конгрессе византистов, он уже настаивал на принадлежности обоих сочинений одному лицу: если, полагал Р. Вари, автором “*De sastrametatione*” можно по-прежнему считать Никифора Урана, то авторство “*De velitatione bellica*” остается анонимным²⁶. В обзоре памятников греко-византийской военной литературы А. Дэн согласился с предположением, что трактат “*De velitatione bellica*” мог быть создан по инициативе Никифора Фоки; подчеркнув далее анонимный характер трактата о лагерном устройстве, французский исследователь не высказал собственных суждений о его авторстве²⁷. Дж. Дэннис, издатель новейшего “*De castrametatione*”, отметил как черты его “очевидного сходства” с трактатом “*De velitatione bellica*”, так и признаки их “явного отличия” друг от друга²⁸. В вопросе об авторстве и датировках “*De cas-*

²² Наименование “Об устройстве лагеря” было неоднократно использовано, в частности, в статье А.П. Каждана “Из истории византийской хронографии X века” (ч. 2) // ВВ. 1961. Т. 20. С. 106–128. Считаю при этом необходимым обратить внимание на досадное недоразумение, остающееся до сих пор неисправленным: во всех случаях трактат “*De castrametatione*” здесь назван ошибочно вместо трактата “*De velitatione bellica*”.

²³ См.: *Incerti scriptoris byzantini...* P. XXI.

²⁴ Рецензия Ю.А. Кулаковского // ВЗ. 1902. Bd. 7. S. 558.

²⁵ См.: Кулаковский Ю.А. Новоизданный византийский трактат... С. 651–652; ср.: ВЗ. 1902. Bd. 7. S. 557.

²⁶ *Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen Krgieswissenschaftlichen Literatur* // BNJb. Athen, 1931. 8. Heft 3–4. S. 231.

²⁷ *Dain A. Les stratégistes...* P. 369.

²⁸ *Three Byzantine Military Treatises.* P. 241.

trametatione” Дж. Дэннис, по его собственному признанию²⁹, следует концепции Ю.А. Кулаковского. Ж. Дагрон убежден в том, что Никифор Фока был инициатором создания обоих военных руководств. Осуществив сравнительный текстологический анализ трактатов, французский исследователь не исключил возможность их общего авторства³⁰.

Приступая к изложению нашей собственной позиции, мы хотели бы начать с наблюдения о принципиальных различиях в способах самопрезентации, к которым прибегают авторы двух трактатов. Созданные ими вследствие этого “автопортреты” существенно различны как по содержанию, так и по форме. Автор “*De velitatione bellica*” сообщает ряд живых, индивидуально-специфических подробностей своей биографии и служебной карьеры, позволяющих судить о его социальной принадлежности, занимаемой должности, общественно-политических взглядах, уровне военно-теоретической подготовки, боевом опыте. Критический анализ этих данных дает основание выдвигать гипотезы об идентификации автора трактата с конкретными историческими персонажами³¹.

В противоположность этому, информация автора “*De castrametatione*” о самом себе, настолько скудна, что сказать что-либо определенное о его облике чрезвычайно трудно³². Имеется, впрочем, к сожалению, единственный сюжет, который дает возможность составить некоторое представление о концептуальных взглядах автора на современное ему состояние византийской военной организации. В одной из последних глав, носящей непритязательное название “О необходимости упражнять войско”, автор трактата, резко ломая общий спокойно-императивный тон изложения, неожиданно разразился многословной тирадой³³, обвинив некоторых стратиотов в приверженности к лени и безделью. По его словам, такие стратиоты, распродавая свое боевое снаряжение и лучших верховых лошадей, покупая взамен этого коров и вещи, потребные в быту простых сельских жителей, уклоняются от борьбы и трудов за интересы христианства. Когда же возникает необходимость призыва в армию, они оказываются неспособными выполнить свой воинский долг: праздность и отсутствие военной практики лишают их мужественности и боеспособности. Особая ответственность ложится при этом на стратиотов, проживающих в пограничных районах: непрерывная угроза вражеских нападений требуют от них постоянной мобилизационной готовности. Поэтому было бы справедливо, “в соответствии с обычаями древних римлян”, избавить их от каких-либо оскорблений и насилий, чинимых сборщиками податей. Честь и свобода, заключает автор, возбуждают в стратиотах отвагу и презрение к смерти, побуждают их стойко переносить тяготы военной службы ради “нашего священного императора” и собственного отечества; наоборот, презрение и оскорбления, допускаемые в отношении передовых борцов за интересы христианства, порождают в них беспечность, малодушие и робость.

Обращает на себя факт явного созвучия приведенного высказывания с аналогичным пассажем, содержащимся в трактате “*De velitatione bellica*”³⁴, который также, по выражению Ж. Дагрона, “резким трубным звуком” прерывает живой, но доселе беспристрастный ход изложения³⁵. Однако известное совпадение идей, проявив-

²⁹ Ibid. P. 243.

³⁰ *Le traité sur la guérilla...* P. 171–175, 255.

³¹ См. об этом литературу, указанную в примеч. 3.

³² В одной из предыдущих работ нами была предпринята попытка проанализировать конфессиональные воззрения автора “*De castrametatione*” в общем контексте религиозного сознания византийских военных писателей (см.: *Кучма В.В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 58–61*).

³³ *De castr.* XXVIII. P. 318, 12–320, 36.

³⁴ *De velitatione bellica*. XIX. P. 214–216. Здесь и далее трактат цитируется по изданию: *Three Byzantine Military Treatises*. (Далее: *De vel. bell.*).

³⁵ *Le traité sur la guérilla...* P. 259. Подчеркнем при этом, что характеристика Ж. Дагроном пассажа “*De castrametatione*” как простой копии аналогичного пассажа “*De velitatione bellica*” (ibid. P. 173), не представляется нам справедливой. Итоги сопоставления других пассажей, с которыми в целом можно согласиться, см.: Ibid. P. 272–274.

шеся в двух трактатах при оценке сходных сюжетов, не простирается столь далеко, чтобы завершиться одинаковым выводом. Если в трактате “*De velitatione bellica*” приведенная сентенция заканчивается радикальным призывом к реставрации старых порядков, присущих эпохе “классического” фемного строя, то в “*De castrametatione*” дело ограничивается простой констатацией существующего положения вещей, сопровождаемой, правда, приличествующим моральным осуждением неправомερных действий налоговых служб, по всей видимости, автор этого сочинения считал реставрационные призывы уже явно устаревшими, а потому лишеными реального смысла. Следовательно, несмотря на внешнее сходство двух названных пассажей, они фиксируют явно различные периоды в развитии военно-политической ситуации второй половины X в., получившие отражение и в общественном сознании (более ранний в “*De velitatione bellica*” и более поздний в “*De castrametatione*”)³⁶. Отмеченное различие в авторских мировоззренческих установках двух трактатов должно быть несомненно учтено при подведении окончательных итогов их сравнительного анализа.

Не вызывает сомнений наличие у автора “*De castrametatione*” значительного практического опыта, накопленного в военных кампаниях. Изложение этого опыта и составило главную цель трактата, а настойчивое подчеркивание собственной искусности в боевой практике (о чем свидетельствуют выражения типа “какое положение мы много раз наблюдали”; “как мы и многие другие часто наблюдали”; “по этим... дорогам мы и тысячи других передвигались без затруднений или вреда”; “мы сами и тысячи других... видели”³⁷) было призвано, по мнению автора, служить весомым аргументом в пользу императивного характера его рекомендаций.

Преимущественное внимание автора обращено на северо-западные рубежи империи, а в качестве главного военного соперника на протяжении всего трактата рассматриваются болгары. Автор “*De castrametatione*” непосредственно знаком с особенностями рельефа “страны болгар”: лесистыми горными перевалами, узкими и неровными дорогами, глубокими реками с болотистыми берегами³⁸; ему хорошо известна бедность этой страны продовольственными ресурсами и фуражем, особенно ячменем³⁹. Он на собственном опыте знает, насколько опасно вести в болгарские земли армию, обремененную толпами бесполезных людей, громоздкой кладью, предметами роскоши (среди них названы драгоценное оружие, украшения из золота и серебра, серебряные сосуды⁴⁰), стадами мулов, ослов и верблюдов. Такая армия, лишенная необходимой мобильности, быстро израсходует продовольствие (а его при всем желании нельзя взять больше чем на 24 дня⁴¹) и будет вынуждена возвратиться назад, не достигнув никаких результатов⁴². Практичность автора настолько основательна, что он рекомендует экономить даже на палатках для архонтов низшего ранга. Вместо излишнего груза будет полезнее взять побольше продовольствия⁴³.

Если факт личного участия автора “*De castrametatione*” в экспедициях против болгар может считаться установленным, то решение вопроса о его возможном участии в боевых действиях против других врагов империи зависит от интерпретации тех сообщений, где эти враги упоминаются. Следует сразу заметить, что соответствующие этнонимы в трактате весьма немногочисленны. Сообщения о “земле пече-

³⁶ По справедливому замечанию Ж. Дагрона, трактат “*De velitatione bellica*” отражает ситуацию и состояние общественного сознания, соответствующие концу царствования Константина VII, тогда как трактат “*De castrametatione*” должен рассматриваться через призму уже свершившейся “реконкисты” (*Le traité sur la guérilla... P. 274*), когда дали себя знать результаты радикальной военной реформы Никифора II.

³⁷ *De castr.* XX. P. 296, 36, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 33.

³⁸ *Ibid.* XV. P. 288, 6–8, 12–13.

³⁹ *Ibid.* XXI. P. 304, 30–31.

⁴⁰ *Ibid.* XVI. P. 288, 4–6.

⁴¹ *Ibid.* XXI. P. 302, 22–304, 23.

⁴² *Ibid.* XV. P. 286, 3–288, 17.

⁴³ *Ibid.* XVII. P. 290, 4–13.

негов” и “земле росов”⁴⁴ с военной точки зрения абсолютно нейтральны: судить о характере взаимоотношений этих народов с империей данный пассаж трактата не позволяет. Более информационно насыщенными следует признать два других пассажа, где оба раза (причем в однотипном словосочетании) упоминаются вместе “арабы” (οἱ Ἀραβες) и “турки” (οἱ Τοῦρκοι)⁴⁵: автору известен “бешеный характер” нападений этих двух противников, способных нанести ромейскому войску тяжелый урон. Очевидно, что под первым этнонимом следует понимать мусульманское население Сирии и Месопотамии. Автору трактата “De velitatione bellica”, посвятившему свой трактат рекомендациям по отражению арабских рейдов, такой этноним тем более известен⁴⁶. Под “турками”, как это было установлено еще Д. Моравчиком⁴⁷, византийские авторы X в. понимали венгров, что не противоречит и сообщениям автора трактата “De castrametatione”⁴⁸. Еще трижды арабы как соперники имеются в виду под другим специфическим термином, каждый раз в словосочетании “земля агарян”⁴⁹. Кроме болгар, арабов и “турок” никакие другие враги империи внимания нашего автора не привлекли. При этом можно со всей определенностью утверждать, что в этом перечне лишь болгары представляли для него профессиональный интерес, свидетельства же о двух других враждебных народах играли роль вспомогательного, компаративно-иллюстративного материала. Во всех случаях, когда в трактате звучат “восточные мотивы”, они не являются предметом специального анализа, а служат лишь целям сопоставлений или противопоставлений реалиям западной боевой практики. Особенно наглядно это проявилось в сюжете, где скудость природных богатств “болгарской земли” противопоставлена изобилию продовольственных ресурсов “земли агарян”⁵⁰.

При этом следует специально отметить, что в отличие от автора “De velitatione bellica”, излагавшего методы боевых действий *по отражению арабских нападений, применяемые на византийской территории*, автор “De castrametatione” во всех пяти пассажах, где упомянуты арабы, мыслит свою армию в условиях наступательного заграничного похода. В тех двух эпизодах, когда автор “De castrametatione” называет вместе арабов и “турок”, имеется в виду ситуация, когда армия ромеев совершает марш по чужим владениям. Во всех трех случаях, когда упоминается “земля агарян”, речь идет либо о планируемой, либо уже о состоявшейся наступательной экспедиции на арабскую территорию. Таким образом, если предполагать наличие у автора “De castrametatione” боевого опыта сражений с арабами, тот этот опыт мог быть приобретен в ходе исключительно *наступательных, но отнюдь не оборонительных войн*. Это наблюдение принципиально важно при окончательном решении проблемы авторства трактатов “De velitatione bellica” и “De castrametatione”.

Кроме собственного боевого опыта автора источником рекомендаций, излагаемых в трактате, явился и опыт других военачальников⁵¹. В ряде мест трактата отчетливо звучат реминесценции, навеянные боевыми эпизодами сравнительно недавнего прошлого⁵², но ни имена их участников, ни даты, ни географические координаты этих событий не сообщаются. Следует подчеркнуть, что “скупость” автора “De velitatione bellica” на исторические имена не имеет аналогий во всей византийской военной литературе. В трактате не упомянут ни один персонаж политической или военной истории Византии и ее зарубежья. Для сравнения укажем, что именной индекс

⁴⁴ Ibid. XVIII. P. 292, 26–27.

⁴⁵ Ibid. X. P. 280, 31–32, 63–64.

⁴⁶ De vel. bell. VII. P. 162, 9.

⁴⁷ Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme une source historique hongroise // “Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae”. I. Fasc. 1–3. 1951–1952. P. 178–179.

⁴⁸ De castr. XVIII. P. 292, 27.

⁴⁹ Ibid. XXI. P. 302, 20; P. 304, 27; XXXII. P. 326, 17.

⁵⁰ Ibid. XXI. P. 304, 27–31.

⁵¹ Ibid. XX. P. 296, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 32–34; XXIX. P. 322, 28–30 etc.

⁵² Ibid. VI. P. 270, 43–44; IX. P. 276, 24–30; XV. P. 288, 17–24; XX. P. 296, 9–12.

“De velitatione bellica”, наоборот, является самым обширным во всей письменной полемологической традиции VI–X столетий: он превосходит соответствующие показатели даже таких во много раз превышающих его объем энциклопедий, как “Стратегикон Маврикия” и “Тактика Льва”⁵³.

Очень слабым информационным потенциалом обладают два экскурса автора “De castrametatione” в военную историю древности. В одном случае, осуждая роскошь и расточительность некоторых современных ему архонтов, автор счел необходимым напомнить читателю, что, по свидетельству “исторических книг”, древние эллины и римляне одерживали величайшие победы над своими противниками, располагая недорогим, но качественным вооружением и снаряжением⁵⁴. В другом месте, подчеркнув необходимость постоянных военных тренировок как армии в целом, так и каждого стратеюта в отдельности, автор вновь напомнил, что небольшие, но хорошо обученные войска древних римлян и эллинов обращали в бегство многотысячные неприятельские армии⁵⁵. Ограничившись констатацией данных фактов, автор трактата не счел необходимыми конкретизировать.

Столь же неопределенны ссылки автора и на труды своих предшественников, хотя такие труды ему несомненно были известны. Так, при описании дорог, проходящих внутри лагеря, он упоминает некую более раннюю “инструкцию” (ἡ ἱστορία), регулирующую устройство лагерных коммуникации⁵⁶. Коснувшись вопроса об осадных механизмах, автор заметил, что детальные, научно обоснованные сведения о них можно найти в “древних книгах”, и поэтому он избавляет себя от их подробного описания⁵⁷. Глухие ссылки на сочинения “древних” военных писателей встречаются в трактате еще несколько раз⁵⁸.

Как известно, ссылка на авторитет “древних” являлась весьма распространенным приемом в арсенале литературно-иллюстративных и логически-доказательных средств, к которым часто прибегали авторы военно-научных сочинений. Эта традиция, ведущая свое начало со времен Онасандра, Элиана и Арриана, в свое время нашла эффективное воплощение в труде Льва VI Мудрого, а через него оказала воздействие на всю позднейшую литературу. Неоднократны упоминания “древних” и в трактате “De velitatione bellica”; при этом в ряде случаев оказалась возможной расшифровка таких свидетельств⁵⁹.

Идентификация же прямых адресатов аналогичных ссылок автора “De castrametatione”, в силу их крайней неопределенности практически невозможна. Поэтому поиск вероятных источников, которыми мог воспользоваться автор трактата осуществим только способом сопоставления содержащейся в трактате реальной военно-научной информации с соответствующими рекомендациями более ранних полемологических руководств. Еще Р. Гроссе обратил внимание на то, что размеры лагерных укреплений (вала и рва), рекомендуемые нашим автором, полностью идентичны параметрам, указанным в “Стратегиконе Маврикия”; по мнению этого исследователя, можно обнаружить также созвучие информации “De castrametatione” с некоторыми установками Полибия, Гигина и так называемого “Византийского Анонима VI в.”⁶⁰. К этим наблюдениям можно добавить еще несколько. Так, рекомендация автора “De castrametatione” об обнаружении вражеских лазутчиков, проникших в византийский лагерь⁶¹, совпадает с соответствующей

⁵³ Соответствующие подсчеты были произведены нами в статье: Кучма В.В. К вопросу о научно-теоретическом уровне... С. 389–390.

⁵⁴ De castr. XVI. P. 288, 14–17.

⁵⁵ Ibid. XXVIII. P. 318, 9–11.

⁵⁶ Ibid. VI. P. 270, 25–26.

⁵⁷ Ibid. XXVII. P. 316, 9–13.

⁵⁸ Ibid. I. P. 246, 25–26; II. P. 262, 8; XV. P. 286, 3; XXVIII. P. 318, 4.

⁵⁹ См. об этом: Кучма В.В. К вопросу о научно-теоретическом уровне... С. 391–392.

⁶⁰ Grasse R. Op. cit. S. 113, 114, 116, 119.

⁶¹ De castr. II. P. 262, 8–13.

щей установкой Вегеция⁶²; методика защиты лагеря с помощью триболов и сигнальных колокольчиков⁶³ аналогична информации Византийского Анонима⁶⁴; организация походных передвижений через клисуры⁶⁵ и способов преодоления водных преград⁶⁶ строится на основополагающих указаниях “Тактики Льва”⁶⁷; советы по обману неприятеля с помощью переодеваний стратиотов в сборщиков фуража и продовольствия⁶⁸ опираются на старинную традицию стратегем, нашедшую, в частности, отражение в трактате “De velitatione bellica”⁶⁹.

Констатируя наличие в трактате таких и подобных им совпадений, аналогий и смысловых ассоциаций, нельзя, однако, утверждать, что их присутствие стало результатом непосредственного использования автором “De castrametatione” названных письменных источников. Гораздо более правдоподобно предположение, что в данных случаях имели место весьма типичные ситуации, которых касались многие военные писатели: теоретическая информация, содержащаяся в более ранних полемологических руководствах, пройдя многократную апробацию в конкретных эпизодах боевой практики, уже в опосредованном, а потому обезличенном виде становилась достоянием военной номенклатуры, вследствие чего определение прямых документальных источников собственного сочинения оказывалось затруднительным даже для самого его автора. Свободно оперируя обширной по объему и весьма достоверной по содержанию военно-практической информацией, автор “De castrametatione” считает себя совершенно свободным от необходимости выяснения ее теоретических истоков, не проявляя при этом ни малейшего комплекса какой-либо творческой несостоятельности.

Сравнительный анализ военных реалий трактатов “De castrametatione” и “De velitatione bellica” приводит к выводу, что *профессиональная подготовка* их авторов (разумеется, каждого в своей области) являлась весьма высокой и по общему уровню практически не уступала друг другу. Однако результаты сопоставления *научно-теоретического потенциала* двух этих военных писателей убеждают в явном преимуществе автора “De velitatione bellica”: предложенный им новый метод ведения боевых действий против арабских рейдов можно без преувеличения признать серьезным вкладом в развитие военно-научной мысли⁷⁰. На этом фоне трактат “De castrametatione” выглядит всего лишь как сухая, предметно-ограниченная инструкция сугубо практического характера. Ее автор производит впечатление грамотного, технического подготовленного специалиста, но круг стоявших перед ним задач изначально не предусматривал вторжения в сферы научно-теоретических обобщений. Вся специфика как внутреннего содержания, так и внешних форм трактата “De castrametatione” является следствием органического сочетания априорно-утилитарной цели его создания с профессионально ограниченной самодостаточностью его создателя. В трактате не содержится не только никаких новых, более или менее масштабных тактических (а тем более стратегических) идей, здесь вообще трудно обнаружить сколь-нибудь свежие факты или живые наблюдения, которые так украшают страницы “De velitatione bellica”. Единственным сюжетом, в котором просматриваются некоторые элементы оригинальности, можно признать военную хитрость, описанную в главе XXVI трактата “De castrametatione”⁷¹, причем не всей стратегемы в целом (ее основ-

⁶² Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. III. 26 // ВДИ. 1940. № 1. С. 279.

⁶³ De castr. II. P. 262, 17–21, 26–30.

⁶⁴ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. XXIX. 6. – Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855. S. 144.

⁶⁵ De castr. XIX–XX. P. 292–302.

⁶⁶ Ibid. XIV. P. 284–286.

⁶⁷ TL. IX. Col. 768–788.

⁶⁸ De castr. XXIII. P. 310, 19–29.

⁶⁹ De vel. bell. X. P. 174, 28–176, 54.

⁷⁰ См. об этом наши статьи 1995–1996 гг., указанные в примеч. 3.

⁷¹ De castr. XXVI. P. 314, 4–316, 34. Речь идет о военной хитрости, которую рекомендуется применять при осаде вражеского города. Идея стратегемы построена на сочетании комбинированных ударов сухопутных и пеших войск (укрытых в засадах) по неприятелю, вышедшему из города для уничтожения персонала и оборудования осадного лагеря.

ная идея была задолго до этого достоянием военной теории), а именно ее отдельных деталей и их комбинаций. И хотя описание стратегемы завершается авторской ремаркой, что она известна “тысячам других”, мы затрудняемся указать ее прямые аналогии в других военно-научных сочинениях.

Сопоставление писательских методов и приемов, используемых в двух анализируемых сочинениях, также приводит к выводу о преимуществе более раннего из них; композиционные и стилистические характеристики “*De castrametatione*” заслуживают более сдержанной оценки: они не поднимаются выше среднего уровня, свойственного большинству полемологических сочинений византийского периода. Создается впечатление, что автор трактата о лагерном устройстве не особенно утруждал себя поисками наилучших литературных форм изложения своего материала: он не ставит своей задачей создание труда, рассчитанного на благодарную память потомков (для сравнения напомним, что подобная цель была специально продекларирована в “*De velitatione bellica*”⁷²). Он озабочен разработкой инструкции, предназначенной для немедленной практической реализации и рассчитанной скорее на разовое, чем на многократное применение.

Хотя изложение материала в “*De castrametatione*” развернуто по определенной логической схеме, трактат не свободен от многочисленных изъянов (пропуски, вставки, повторения, реверсии и т.п.), которых вполне можно было бы избежать при более тщательной текстуальной обработке. Так, сконцентрировав информацию о лагерном устройстве в I главе, автор, казалось бы, полностью исчерпал тему, подробно описав необходимые элементы инженерного оборудования лагеря (ров, вал, дороги, палатки, выходы, “мертвое пространство”) и даже снабдив свое описание соответствующими чертежами и схемами. Но уже в следующей II главе он добавил к этим элементам несколько новых – триболы, нанизанные по 8 штук на единую веревку длиной около 10 оргий; ямы-ловушки, так называемые “ноголомы” (ποδοκλάσται), на дне которых укрепляются торчащие вверх заостренные кольца; сигнальные колокольчики, нанизанные на бечевки, которые растянуты по всему периметру лагеря⁷³. Описание этих приспособлений составляет вторую половину II главы. Первая же половина содержит общую рекомендацию о недопустимости перемещения в лагере подразделений, входящих в состав различных армейских формирований (тагм, фем, банд или турм). Для этой рекомендации также нашлось бы место в I главе, тем более что в ней звучали сходные мотивы. Если бы такая текстуальная инверсия была осуществлена автором трактата, у него вообще отпала бы необходимость формирования специальной II главы в ее нынешнем виде, поскольку оба ее сюжета генетически едины с сюжетами I главы. Буквально то же самое можно сказать и в отношении главы XXX. Состоящая всего из одной фразы⁷⁴, она могла бы быть безболезненно исключена из общего реестра, если бы обе ее рекомендации (еще во время пребывания на собственной земле, во-первых, не менее трех-четырёх раз потренироваться в разбивке лагеря и, во-вторых, совершить несколько учебно-тренировочных маршей) были присоединены к соответствующим сюжетам, раскрытым в главах I и X.

Особенно несовершенной является компоновка и стилистическая обработка двух заключительных информационных частей “*De castrametatione*”, начиная с его XXI главы. Очевидно, в системе приоритетов, выстроенных в сознании автора в период работы над трактатом, принципы полиоркеттики занимали явно второстепенные позиции по сравнению с проблемами лагерного устройства и организации походного марша. Поэтому сам характер изложения полиоркетических сюжетов заметно отличается от императивно-установочной манеры подачи предыдущего материала: здесь гораздо больше, чем в предыдущих главах, абстрактных, отвлеченных,

⁷² De vel. bell. Pr. P. 146, 7–12.

⁷³ De castr. II. P. 262, 17–30.

⁷⁴ Ibid. XXX. P. 322, 4–12.

не очень обязательных рассуждений, несущих на себе следы отчетливого воздействия предшествующей книжной традиции. Еще более сильно это воздействие проявляется в заключительных главах трактата (с XXVIII по XXXII), где повествуется о возвращении армии из заграничного похода. Создается впечатление, что автор вообще избавил себя от необходимости тщательной обработки этого материала и целесообразного распределения его по соответствующим разделам (хотя порядок предыдущего изложения предоставлял ему такую возможность). Он просто собрал их воедино и механически присоединил к основному тексту, как в свое время поступал Фронтин со своими “residua”. Правда, заключительная фраза трактата является несомненно собственн авторской. Будучи одной из самых ключевых во всем сочинении, она заслуживает особого внимания и специального анализа (см. об этом ниже).

Язык “De castrametatione” (особенно в основной части трактата) в целом достаточно строг и рационален. Случаи отклонений от этой обычной нормы, по которым можно было бы судить об авторской индивидуальности, чрезвычайно редки: лишь дважды удастся уловить некоторые саркастические ноты⁷⁵ и трижды обнаружить в принципе не свойственную автору вычурность выражений⁷⁶. Сухая, обезличенная презентация материала, присущая подавляющему большинству разделов “De castrametatione”, резко контрастирует с живой, эмоциональной, индивидуально-специфической манерой изложения информации в трактате “De velitatione bellica”, лингвистические достоинства которого, по признанию большинства исследователей, значительно превосходят ординарные показатели памятников подобного жанра.

Весьма любопытными в этом плане оказываются и терминологические сопоставления. Будучи квалифицированными специалистами-практиками, авторы обоих трактатов свободно оперируют современной им военной терминологией. Естественно, что терминологический репертуар каждого из двух авторов продиктован тематикой их собственных сочинений. В соответствии с этим, принципиально исключена возможность обнаружения в трактате “De velitatione bellica” терминов, используемых для обозначения должностных лиц императорского двора и его различных служб, столь обильно встречающихся в трактате “De castrametatione”, особенно в его I главе. Как известно, “восточное” руководство ведет речь о событиях, предполагающих участие исключительно фемных армий без привлечения столичных воинских частей. Наоборот, можно было заранее предположить, что в “западном” сочинении не найдется места для использования термина “παράδρομή”, являющегося ключевым для автора “De velitatione bellica”. Так оно и на самом деле. Столь же естественно термин “κοῦρσοι”, любимый автором “De velitatione bellica” и потому используемый им около сорока раз, в трактате “De castrametatione” встречается лишь дважды, причем в самом конце, явно в “residua”: один раз в совершенно нейтральном контексте, где он, строго говоря, не имеет значения технического термина⁷⁷, а второй раз – в пассаже компаративного характера, где он использован применительно к арабским экспедициям⁷⁸.

Однако в тех пассажах сопоставляемых трактатов, где анализируются фактически одни и те же сюжеты (вооружение и снаряжение архонтов и стратиотов, осада и оборона городов, организация маршевых колонн, разведывательная и караульная службы и т.п.), можно было бы предполагать использование более или менее единой терминологии. Между тем, в трактате “De velitatione bellica” вообще не встречаются такие обычные для подобных случаев термины, как κριός, πετρόβολος, ταξιαρχία, τάφος, τεῖχος, τρίβολος, χελώνη, χωσάριος и др., тогда как в трактате “De castrametatione” полностью игнорируются столь же распространенные термины δόρυ, κάστρον, μάχηρα, ξίφος, τοῦδος (τοῦλδον), τουρμάρχης, φλάμουλον и т.п. По наше-

⁷⁵ Ibid. XVII. P. 290, 6–8; XVIII. P. 290, 8–9.

⁷⁶ Ibid. XX. P. 296, 11–14; XXI. P. 302, 10–15; XXIII. P. 310, 28.

⁷⁷ Ibid. XXXII. P. 326, 6.

⁷⁸ Ibid. XXXII. P. 326, 16.

му мнению, данную коллизию гораздо логичнее снять предположением о том, что трактаты написаны различными авторами, чем, настаивая на мысли о принадлежности обоих сочинений одному и тому же лицу, пытаться объяснить разницу в его терминологических предпочтениях изменившимися обстоятельствами места и времени⁷⁹.

Итак, все предыдущие наблюдения позволяют утверждать, что автором “*De castrametatione*” должен быть признан военный профессионал высокой квалификации, приобретший практический боевой опыт в ходе одной или нескольких кампаний наступательного характера, протекавших преимущественно на западных рубежах империи и проведенных при непосредственном участии императора. При этом некоторые места в трактате⁸⁰ могут быть поняты так, что участие в экспедиции императора не обязательно предполагало фактическое командование армией. Реальное осуществление этой функции могло быть поручено другому лицу. Теоретически отнюдь не исключено, что автор “*De castrametatione*” в свое время мог находиться именно в такой ситуации. Тогда в какой-то степени объясним тот близкий к менторскому тон, в который иногда впадает автор, адресуя свои рекомендации даже непосредственно императору⁸¹. Следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с совершенно уникальной ситуацией: мы не знаем других военно-научных сочинений, авторы которых позволяли бы себе подобные императивные обращения к императорской особе. В принципе здесь возможны два объяснения: либо данный трактат представляет собой частные заметки, не имеющие официального характера и не предназначенные для практического использования, либо обстоятельства, вызвавшие к жизни данную инструкцию, были настолько экстраординарны, что давали ее разработчику реальное право на подобные высказывания. Первое из предположений должно быть сразу отведено: его опровергает уже сама письменная традиция, определившая местонахождение данного трактата в составе корпуса практических военных руководств. Второе же предположение, представляющееся гораздо более основательным, существенно сужает круг вероятных претендентов на роль участников данной ситуации, в особенности адресата (он более чем в двадцати случаях скрывается под формулой “наш священный император”).

Дж. Дэннис (вслед за Ю.А. Кулаковским) справедливо полагает, что в этом адресате невозможно видеть ни Никифора II Фоку, ни Иоанна I Цимисхия: их выдающиеся военные достижения мало совместимы с ролью реципиентов чужого боевого опыта, пусть даже “доверенного советника, старшего родственника или друга”⁸². Следовательно, единственным претендентом на эту роль остается Василий II. При этом время, когда было разработано предназначенное для него руководство, логично максимально сдвинуть к самому началу его военной карьеры, когда он не столько реально выполнял функции главнокомандующего, сколько проходил своеобразную стажировку при более опытных военачальниках.

Как известно, свой первый, крайне неудачный поход в Болгарию Василий совершил летом 986 г., имея 28 лет от роду. Яркое описание похода, завершившегося поражением 17 августа, оставил Лев Диакон, который, по его собственным словам, был непосредственным участником этих событий⁸³. Насколько нам известно, в литературе еще не предпринимались попытки сравнительного анализа информации двух столь различных по характеру исторических источников, какими являются по-

⁷⁹ В этом плане заслуживают внимания соображения Ж. Дагрона о том, что военачальники, прошедшие боевую практику на Западе, помимо всего прочего, приобретали и специфический словарный запас, испытывающий влияние славянской лексики (*Le traité sur la guérilla...* P. 156, 255). Так, “западный” термин *χωβήριον*, который автор “*De castrametatione*” подчеркнуто противопоставляет “восточному” термину *τραπέζιται* (*De castr.* XVIII. P. 292, 16–17; XXI. P. 302, 5–6), имеет вполне определенное болгарское происхождение (*Le traité sur la guérilla...* P. 253–254 et n. 52).

⁸⁰ *De castr.* VII. P. 272, 14–15; IX. P. 276, 26–27.

⁸¹ *Ibid.* X. P. 280, 37–38; P. 280, 69–72; XXIII. P. 308, 5–9.

⁸² *Three Byzantine Military Treatises.* P. 242 *з*ср.: Кулаковский Ю.А. Новозданный византийский трактат... С. 656.

⁸³ Лев Дьякон. История. X 8. М., 1988. С. 89–90.

вестование Льва Дякона и трактат “De castrametatione”. Между тем, такое сопоставление приводит к выводу об удивительном созвучии сообщений двух названных источников: буквально каждому описанному Дяконом эпизоду экспедиции 986 г. можно найти параллели в аналогичных пассажах данного трактата; в свою очередь фактически все рекомендации “De castrametatione”, каждая из которых, взятая в отдельности, основана на каком-то конкретном, однократном, одномоментном факте или явлении, будучи систематизированными, укладываются в комплекс единого военного события. При этом весьма показательно, что в отличие от бравурного, мажорного звучания, характерного для трактата “De velitatione bellica”, пропагандирующего победный боевой опыт, большинство реминисценций “De castrametatione” окрашено преимущественно в негативные либо даже трагические тона (неудачи, сопровождающие осаду неприятельских городов; тяжелые последствия нехватки питьевой воды и продовольствия; препятствия, угрожающие войску при переходе через клисуры и водные преграды: опасность потери управления войсками во время поспешного отступления и т.п.). Характерно также, что все пейзажные зарисовки “De castrametatione” являются исключительно летними: здесь невозможно обнаружить ни одной зимней детали. Представляется вполне логичным предположение, что автор “De castrametatione”, подобно Льву Дякону, сам был очевидцем всех этих невзгод и неудач, и главная цель его труда состояла именно в том, чтобы предостеречь от повторения ошибок сравнительно недавнего прошлого. И если в дополнение к сказанному допустить, что автор выполнял поручение, данное ему от имени высшего политического и военного руководства империи, тогда не покажутся странными его прямые императивные указания, адресованные непосредственно императору, на котором лежала значительная доля вины за неудачу экспедиции.

Таким образом, поражение в походе 986 г. определяется нами как рубеж, с которого может отсчитываться время создания “De castrametatione”. Конечным хронологическим пределом мы склонны считать 991 г., которым открывается новый цикл антиболгарской политики Василия II. Не исключено, что при осуществлении четырехлетней кампании, начавшейся в 991 г., в которой “царь Василий вполне обнаружил как военный талант, так и железный характер, выкованный теми жестокими испытаниями, какие им были пережиты”⁸⁴, в полной мере был учтен тот трагический опыт 986 г., который был осмыслен и обобщен, в частности, и в соответствующих военных руководствах. При этом, разумеется, ничто не мешает предполагать и использование опыта болгарских кампаний, предшествующих императоров, в частности и Никифора Фоки (если его поход все-таки имел место⁸⁵), и Иоанна Цимисхия.

Предложенная в свое время Ю.А. Кулаковским датировка “De castrametatione” (между 991 и 995 гг.) обосновывалась упоминанием в трактате воинского подразделения “росов”, которое автор этой датировки именовал “русским гвардейским отрядом”⁸⁶. Однако, по нашему мнению, ни один из трех пассажей “De castrametatione”, где упомянут этноним “Ῥωσ”⁸⁷, не может быть однозначно истолкован в подразумеваемом Ю.А. Кулаковским смысле. Судя по контексту, речь идет о небольшом отряде наемников численностью не более одной тагмы (около 150 чел.), этническая принадлежность которых остается совершенно неясной. По крайней мере мы не видим никаких оснований связывать этот отряд с тем 6-тысячным корпусом, который был предоставлен в распоряжение Василия II киевским князем Владимиром Святославичем. Следовательно, время прибытия этого корпуса в Константинополь (между летом 987 г. и летом 989 г.) не может рассматриваться как несомненный *terminus post quem* создания трактата, и предлагаемая выше датировка (“по горячим следам” после катастрофы 986 г.) представляется нам более предпочтительной.

⁸⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 417.

⁸⁵ См. об этом: Иванов С.А. Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. // ВВ. 1981. Т. 42. С. 88–100.

⁸⁶ Кулаковский Ю.А. Нововизантийский трактат... С. 657–659; ср.: ВЗ. 1902. 7. S. 555–556.

⁸⁷ De castr. X. P. 280, 38; XIX. P. 294, 35; XXV. P. 312, 19.

Возвращаясь к проблеме авторства двух трактатов, обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Мнение некоторых исследователей о принадлежности “*De velitatione bellica*” и “*De castrametatione*” одному и тому же лицу основывалось в сущности на единственном серьезном аргументе. Как известно, во введении к “*De velitatione bellica*” сказано, что автор трактата, действуя по прямому поручению уже покойного Никифора Фоки, занят обобщением опыта отражения арабских рейдов, которые, впрочем, уже перестали быть столь регулярными и опасными, как в прежние времена: могущество мусульманских соседей к периоду создания трактата было уже значительно ослаблено. Далее автор дает понять, что он получил задание Никифора Фоки проанализировать также имеющийся у него опыт ведения войн на Западе, но об этом он намерен рассказать специально в другом месте. Пока же он ограничивается обобщением только восточного опыта⁸⁸. Смысл данного заявления возбуждает естественный соблазн увидеть в “западном” сочинении о лагерном устройстве реализацию программы, декларированной в “*De velitatione bellica*”, тем более, что завершающая сентенция “*De castrametatione*”, где содержится “обратная” ссылка на восточный опыт⁸⁹, казалось бы, замыкает цепь требуемых доказательств.

Однако внимательный анализ последних фраз “*De castrametatione*” не только не укрепляет, а напротив, разрушает всю упомянутую логическую конструкцию: в этих фразах невозможно усмотреть ничего более, чем *заявление о способности* изложить опыт *наступательных рейдов* в землю агарян, предпринимаемых с целью разорения этой земли. Следовательно, не имеется никаких оснований трактовать данный пассаж как ссылку автора на собственное, написанное им ранее сочинение: этому препятствует и условно-сослагательный тон заявления, и особенно – ориентировка на наступательный, а не на оборонительный характер подразумеваемых боевых действий. Мало того, из общего контекста заключительных фраз “*De castrametatione*” вообще не следует, что наш автор отсылает читателя к какому-то предшествующему конкретному военному сочинению: просто сказано, что “немалый опыт многих стратигов” делает излишним повторение того, что уже широко известно. В целом общее абстрактное звучание завершающего пассажа “*De castrametatione*” лишает его, по нашему мнению, значения какого бы то ни было довода в пользу тезиса о единстве авторства обоих трактатов.

Таким образом, весь ход сравнительного анализа двух трактатов все более и более укрепляет нас в убеждении, что для признания их единой авторской принадлежности не имеется ни фактических, ни формальных оснований. “Несомненное родство” трактатов, зафиксированное А. Дэнном⁹⁰, мы согласились бы безоговорочно распространить на бесспорный профессионализм и богатый практический опыт их авторов, да, пожалуй, еще (но уже с некоторыми оговорками) на совпадающую оценку ими негативных черт стратиготской службы. Кстати говоря, этому последнему факту уже давно нашел удачное объяснение Ю.А. Кулаковский: оба автора, по его предположению, принадлежали к одному социальному кругу и вдохновлялись общими идеями⁹¹.

Что же касается старой гипотезы Р. Вари о принадлежности “*De castrametatione*” Никифору Урану, т.е. гипотезы, с которой декларативно или молчаливо солидаризировалось большинство исследователей, то при нынешнем состоянии источников она не может быть ни опровергнута, ни подкреплена какими-либо дополнительными аргументами. По словам Дж. Дэнниса, подобное предположение имеет основания претендовать на достоверность, но не обладает бесспорными фактическими данными⁹².

⁸⁸ De vel. bell. Pr. P. 148, 51–56.

⁸⁹ De castr. XXXII. P. 326, 16–18.

⁹⁰ Dain A. Les stratégistes... P. 369.

⁹¹ Кулаковский Ю.А. Новизданный византийский трактат... С. 651–652; ср.: BZ. 1902. 7. S. 557.

⁹² Three Byzantine Military Treatises. P. 242. “Впечатления и вероятности, – замечает Дж. Дэннис несколько ниже (р. 243) по другому поводу, – безусловно не являются доказательствами, но до тех пор, пока нечто более убедительное не будет обнаружено, они должны быть признаны достаточными”.

Время создания трактата “De castrametatione” несомненно более позднее, чем трактата “De velitatione bellica”⁹³. Противоположное решение, к которому склонялся в свое время К.Б. Газе⁹⁴ и которое разделял Р. Вари⁹⁵, следует признать явно ошибочным. Вместе с тем, представляется, что хронологический разрыв между трактатами, определяемый Дж. Дэннисом максимально в четверть века⁹⁶, не был столь большим: если логично отнести дату создания “De velitatione bellica” к ближайшим годам после смерти Иоанна Цимисхия⁹⁷, тогда предельная датировка Дж. Денниса увела бы трактат о лагерьном устройстве за рубеж X в. В таком случае его рекомендации в значительной степени утратили бы свой практически значимый характер, о котором так настойчиво печется сам автор “De castrametatione”.

В заключение – еще несколько хронологических подсчетов. Из собственных слов автора “De velitatione bellica”⁹⁸ следует, что он приобрел свой первый боевой опыт (судя по контексту, уже архонтский) под командованием Варды Фоки, в бытность последнего стратигом Каппадокии и Анатолии. Наиболее вероятным временем пребывания будущего кесаря на этих должностях признается период между 910 и 919 гг.⁹⁹ Следовательно, уже во время работы над трактатом “De velitatione bellica” его автор имел весьма почтенный (более чем семидесятилетний) возраст. Предположение же о том, что через 10–12 (а тем более – через 25) лет этот же человек мог написать новое военно-научное сочинение, представляется нам совершенно невероятным.

Последний приведенный аргумент окончательно утверждает нас в убеждении, что возможность вывода о единстве авторства трактатов “De velitatione bellica” и “De castrametatione” следует признать полностью исключенной. Следовательно, вопрос, сформулированный в заглавии настоящей статьи, заслуживает, по нашему мнению, однозначно отрицательного ответа.

⁹³ С таким хронологическим соотношением трактатов согласен и Ж. Дагрон (*Le traité sur la guérilla...* P. 155–156). Однако предлагаемая им датировка “De castrametatione” (последнее десятилетие X в. или первое десятилетие XI в. – *Ibid.* P. 157) представляется нам слишком поздней.

⁹⁴ См. об этом: *Dain A. Les stratégistes...* P. 369–370.

⁹⁵ *Incerti scriptoris byzantini...* S. XXI.

⁹⁶ *Three Byzantine Military Treatises.* P. 241.

⁹⁷ См. об этом: *Le traité sur la guérilla...* P. 163, 174, 287. Такую датировку считал приемлемой еще первый переводчик трактата “De velitatione bellica” на русский язык (см.: История Льва Дьякона Калойского и других сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820. С. XIII).

⁹⁸ *De vel. bell.* Pr. P. 148, 31–39.

⁹⁹ См.: *Cheyne J.-C. Les Phocas // Le traité sur la guérilla...* P. 298.